Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Синие глаза поэта

— Ни в коем случае не перебивайте меня и не задавайте глупых вопросов, пока не закончу. Надеюсь это понятно?

* * *

Первое, что бросается в глаза — сбитые коленки. Затем ссадины и царапины на руках, обломанные ногти, гематома на плече, распухшие потрескавшиеся губы и тёмные круги под глазами. И взгляд. Взгляд полный боли, вины и молящий о прощении. На тонкой шейке молоточком стучит голубая жилка.

Всё ясно без слов. У меня защемило сердце, и сжались кулаки. До побелевших косточек. «Ублюдки, мерзавцы! Я найду их, достану из-под земли».

— Как... как это произошло? — спрашиваю я громко, и спохватываюсь: Господи, что я делаю, так нельзя! — Прости, прости, я не буду кричать. Скажи, где...

— В западном крыле парка. Там дорога проходит около забора.

«Проклятье! Так и есть. Шоссе метрах в пяти от ограды, как же я...»

— Что ты... как ты там... — запинаюсь я. Никак не удаётся справиться с волнением. Мысли скачут. Приливы сострадания перемешиваются со вспышками гнева.

— Там поляна и беседка. Много цветов, приятные запахи. Никто туда не ходит, а я люблю смотреть на проезжающие машины.

«... проезжающие машины...»

— Сколько их было?

— Трое. Два ждали в открытом красном автомобиле, а один подошёл к ограде и позвал меня. Он был очень вежлив. И у него были синие глаза поэта.

Я в ужасе закрываю лицо руками, чтобы не видеть перед собой эти синие глаза. Но кажется, что они смотрят прямо в сердце.

Надо продолжать.

— Что дальше? — спрашиваю я.

— Он сказал, что всё знает про меня и поможет перебраться через ограду, если я хочу глотнуть вольного ветра в их автомобиле.

«... глотнуть вольного ветра...»

Стискиваю зубы, но, обуздав вспышку ярости, спрашиваю, как можно бесстрастно:

— А потом?

— Мы приехали к белому каменному дому с колоннами, около леса. Он повёл меня внутрь по дорожке из красных гранитных плиток, а тем двоим, весело крикнул зайти минут через тридцать. Они смеялись... Я тоже.

Внутри меня всё застыло. Где-то вдали за окном надсадно взвыла сирена. Красная гранитная плитка, белый дом около леса, античные колонны...

— И в этом доме...

— Он посадил меня в удобное плюшевое кресло и дал лимонаду со льдом. В комнате были изумрудные портьеры, негромко играла музыка...

Моя голова едва держится на плечах. Изумрудные, безумно красивые портьеры... по двенадцать кредитов за метр...

Разбитые губы и срывающийся голосок, старательно выводят:

Last thing I remember, I was, Running for the door, I had to find the passage back, To the place I was before, `Relax, ` said the night man, We are programmed to receive, You can check out any time you like, But you can never leave.
(И последняя вещь, что я помню Как бегу на выход в ту дверь
Что позволит вернуться обратно В мир известный, запретный теперь «Не спеши — заметил Привратник, Мы приучены получать, Расплату можно отсрочить Но ты знаешь — не избежать! «) * — Довольно! — не выдерживаю я. — Как он… вёл себя в это время
— Он сел на пол около моих ног и стал гладить их. Он рассказывал, что давно наблюдает за мной. Что очень любит меня. Потом он говорил, что не надо бояться, что больно не будет, разве что немножко, и поначалу, а потом я научусь терпеть. При этом он взял в ладони мои ступни и хотел их поцеловать, но я боюсь щекотки… И губы у него горячие.
«… губы горячие».
— Полчаса прошло и вошли те двое? — невольно поднимаю я голос.
— … да. Всё изменилось. И он изменился… Больше не говорил, что любит меня.
Я слишком хорошо знаю, что было потом и, тщетно глотая прилипший к гортани комок, задаю последний вопрос:
— И… позже, когда… — проклятый голос предательски дрожит — когда была боль. Тебе это снова понравилось? Возбудило?
— …
* * * — Надо бы приметы, мадам… — подаёт голос из своего угла следователь. Всё-таки он не удержался, не смотря на все мои предостережения. Нетерпение охотничьего пса Делаю знак фельдшеру. Тот набрасывает на плечи мальчугану клетчатое одеяло и уводит прочь. Я провожаю нежным влюблённым взглядом трогательный белоснежный хохолок на его макушке.
— Не надо никаких примет, — говорю я следователю. — И не будет никакого дела. Герман недееспособен и, к сожалению, всего лишь душевнобольной. Ему не поверят. Тем более с таким диагнозом.
— А вы, а другие люди? — обескураженно спрашивает следователь.
— Главный врач психиатрической лечебницы, равно как её сотрудники — лица заинтересованные. Других свидетелей нет. Мальчика нашли около приёмного отделения. На суде всё рассыпется за отсутствием доказательств, — горько и устало выговариваю я прописные истины. — Синяки и ссадины?… Получил при побеге, за время пребывания вне стен лечебницы.
Следователь — волевой мужчина, молча и хмуро упаковывает свои записи в папку. Глядя на его окаменевшее лицо, я решаюсь.
— У вас есть дети? — Да, двое, мальчик и девочка.
Мне нравится, как он это произносит. С бесконечной любовью и дрожью в голосе.
Такие не останавливаются ни перед чем. Такие идут до конца.
— Хотите знать, кто тот… , истязавший ребёнка? Вы же можете что-то предпринять и помимо официального расследования? — с надеждой спрашиваю я.
Он замирает, несколько долгих мгновений пронзительно смотрит на меня и едва заметно кивает головой.
Я сделала выбор. Я поворачиваю к нему фотографию в рамке на своём столе.
Несколько секунд он недоверчиво и внимательно рассматривает на цветном фото

благородное мужское лицо с синими глазами. Переводит на меня взгляд, в котором забрезжила догадка.

— Мой бывший пациент и нынешний муж, — киваю я.

Он бросает на дверь, в которую увели Германа, затравленный взгляд. Он понял. На его лице бушуют жалость и отвращение. Следователь начинает молча, спиной, пятится к двери. Мне безразлично его отношение ко мне, главное — он несомненно сделает то, что должен.

Я подхожу к открытому окну и долго смотрю, как фельдшер медленно ведёт мальчишку с удивительно красивым лицом, моим лицом... и синими глазами поэта. А ещё мне нестерпимо хочется скорее сбросить, этот чёртов лифчик, который трёт рубцы на моей спине и сердце!

* — поэтический перевод автора.